

Алексей Притуляк

УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ

Алексей Притуляк

Учитель музыки

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Притуляк А.

Учитель музыки / А. Притуляк — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Главный герой, скромный инженер Витлав Эриксон, просыпается однажды утром не в своей постели, не в своём доме и вообще, кажется, не в своей жизни. Странные обитатели мрачного дома в один голос твердят, что он никакой не инженер, и даже не Витлав Эриксон вовсе, а учитель музыки Якоб Скуле. В обстановке мрачного абсурда с припахом сюрра неслучайный пытается сохранить свою идентичность и не сойти с ума. Удастся ли ему?..

Содержание

1	5
2	12
3	18
4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

1

Он проснулся с мыслью «Проспал!»

Или – «Пропал!», уверенности не было. Мысль была лишь маленьким обрывком недосмотренного сна, который случайно пробрался в реальность, промелькнул в ней пёрышком, выпавшим из подушки, и вот-вот готов был улетучиться, забыться – как и происходит со снами, не успевшими вовремя закончиться.

Однако, в следующее мгновение пришло благодатное осознание: «Нет, сегодня воскресенье, и мне не надо куда идти». Это было воистину отрадное воспоминание.

Проснулся он оттого, что дышать было трудно. Оказалось, он, как обычно, спал на животе и слишком глубоко зарылся лицом в подушку, так что дышать стало невозможно. Вдобавок ко всему нос был заложен. Неужели простыл? Этого только не хватало!

Под окнами гремела музыка. Играли какой-то бравурный и довольно безвкусный марш. Он отметил про себя, что один корнет безбожно фальшивит. Он не мог бы сказать, откуда у него возникла такая уверенность, тем более, что он даже не представлял себе, что такое корнет и как он выглядит.

Голова трещала от боли и готова была лопнуть, а чёртов оркестр всё не унимался.

– Хельга! – позвал он. – Хельга, у меня голова болит. Пусть они замолчат, Хельга.

Жена не отозвалась. Тогда он поднялся и сел в постели.

– Да заткнитесь же вы уже! – крикнул он оркестру и особенно – фальшивому корнету. – Сколько можно мучать порядочных людей с утра пораньше этой котовасией!

От крика голова едва не взорвалась новой болью. Кое-как поднявшись, он подошёл к окну, открыл и высунулся на улицу.

На мокрой и покрытой лужицами после вчерашнего дождя площади собрался духовой оркестр, здесь же присутствовала масса народу. Готовились, кажется, к маршу, а мелькание в толпе многочисленных пёстрых костюмов и красных носов-шариков говорило о том, что собрались на традиционный ежегодный парад клоунов. Оркестр разыгрывался под управлением дирижёра, который, судя по его вязкой расплывчатой улыбке, был с утраца хорошо навеселе.

Ветерок, залетевший в окно, немного освежил голову, осушил влажную грудь, проветрил под мышками, развеял последние пушинки сна, налипшие в волосах.

– Этого только не хватало, – пробормотал он, с отвращением глядя на хмельного дирижёра, и закричал: – Эй! Эй, оркестр. Кто-нибудь, дайте уже второму корнету по голове, чтобы не фальшивил. Эй, дирижёр, где вы взяли этого неуча?

Стоящая под окном стайка гимназисток прыснула смехом. Он перевёл взгляд на их свежие милые личики, улыбнулся.

– Доброе утро, барышни. Я хотел сказать, что корнет безбожно фальшивит.

– Доброе утро? – отозвалась одна – наверное, самая смелая. – Уже и полдень миновал.

Её товарки захихикали, переглядываясь и подталкивая друг дружку локтями.

– Что? – опешил он. И повернулся в комнату, чтобы взглянуть на часы.

Но часов на привычном месте почему-то не оказалось. Как, собственно, и комода, на котором они всегда стояли. И вообще, пространство в комнате как будто исказилось, сжалось и обросло незнакомыми деталями.

Он сел на подоконник и с минуту глядел в пустой угол, со смешанным чувством потерянной неловкости и недоумения, пока не вспомнил, что жена давно затевала перестановку и ремонт. Но чтобы она начала осуществлять эту затею так неожиданно, не предупредив, не посоветовавшись, не... Было в этом что-то неестественное и...

– Хельга! – позвал он, невольно хватаясь за голову, которая, казалось, готова была взорваться от его собственного голоса. И уже почти прошептал: – Хельга, что происходит?

Марш под окном грянул с новой силой. Шествие тронулось. Повернувшись к окну, он увидел как один из клоунов машет ему на ходу рукой. Подумал, махнуть или нет в ответ, но под густо намалёванной красной-жёлтой шутовской личиной он не мог опознать человека, а потому воздержался отвечать.

А клоун настойчиво сигнализировал ему, совершенно как давнему знакомому и даже нетерпеливо подпрыгивал, жаждая, кажется, добиться ответного приветствия. Тогда он сделал один неловкий взмах, бросил взгляд вниз, на гимназисток, и закрыл окно. Корнет продолжал открывенно фальшивить, чем неимоверно его бесил. Но слава богу музыка теперь удалялась от площади, и...

«Подожди! – сказал он себе. – Подожди... От какой площади?»

Уже отойдя, он теперь снова вернулся к окну, чтобы выглянуть.

Да, там была площадь. И насколько он мог судить по башне с часами, это была площадь Густава Стрее.

Он бы потряс головой, чтобы разогнать видение, но вовремя воздержался от этого необдуманного действия – голова наверняка отозвалась бы на него новой вспышкой боли.

– Хельга, – безвольно позвал он. – Что происходит?

И, начав озираться, оглядывать затхлую спальню с застоявшимся прогорклым воздухом, он немедленно понял, что это не спальня.

Нет, не так. Это была *не его* спальня, вот как.

Он растерянно выругался, чувствуя, как зарождается в душе страх перед реальностью, которая вдруг искривилась, обросла парой чудных измерений и превратилась из привычной обыденности во что-то неестественное и пугающее. И в этот момент в дверь постучали. Не в дверь спальни, а в какую-то другую дверь, которую он пока не видел.

Он неуверенно вышел из комнаты и оказался в гостиной, которая была знакома ему ещё менее. Ни мебелировка, ни размеры, ни размещение окон не соответствовали тому привычному расположению и размерам, которые сопровождали его жизнь вот уже без малого три года. Быть может, он каким-то неведомым способом, предварительно потеряв память, вернулся в родительскую квартиру? Но нет, в отчем доме тоже не было ни такой обстановки, ни таких узких окон.

Стук между тем повторился.

Он вышел из гостиной в тесную сумрачную прихожую и открыл скрипучую дверь, покрытую облупившейся коричневой краской (какое убожество!). Дверь эту он тоже не знал. Как не знал и женщину лет шестидесяти, в старомодном зелёном платье и в чепце, которая приветствовала его с лестничной площадки неширокой редкозубой улыбкой, отнюдь, впрочем, не приветливой и не сулящей ничего хорошего.

– Здравствуйте, господин Скуле, – произнесла она, пришепётывая, и голос её подрагивал и срывался гораздо больше, чем полагается в её возрасте. Присмотревшись, он заметил, что и голова её постоянно подёргивается, словно женщина коротким покачиванием головы отказывалась от ещё одного пирожного. Всё это свидетельствовало о том, что ей гораздо больше лет, чем можно было бы дать, сообразуясь с внешностью. Ну, лет семьдесят-семьдесят пять.

– Тут какая-то ошибка, – сказал он, забывая даже ответить на приветствие почтенной дамы. – Что-то не то.

– Что вы хотите этим сказать, господин Скуле? – произнесла она, недоумённо повернув голову и скосив глаза на него. – Сегодня двадцатое.

– Двадцатое? – повторил он, ничего не понимая и приходя к выводу, что сошёл с ума. – Двадцатое... А-а, вы, видимо, ошиблись! – радостно воскликнул он, внезапно озарённый

догадкой. – Ну конечно! Ведь я даже не господин Скуле, которого вы, видимо, ищете. Где, вы говорите, живёт этот господин?

Марш-клоунада удалялся, корнет фальшивил теперь где-то в конце улицы, но даже на таком расстоянии по-прежнему терзал слух.

Дама стояла и молча смотрела на него. Во взгляде её читалась укоризна.

– Сегодня двадцатое, господин Скуле, – повторила она наконец. – Я хотела бы получить плату.

– Плату?

– Плату за квартиру за сентябрь, господин Скуле.

– Не называйте меня господином Скуле, – не выдержал он, чувствуя, что голова начинает болеть ещё больше. – Меня зовут Эриксон. Витлав Йон Эриксон. Прошу вас, не называйте меня больше этим дурацким именем Скуле.

– Ну вот что, – вспыхнула в ответ дама, – я не намерена вступать с вами в пререкания, господин Скуле. Если вы вчера... если вы, простите, погрязли в разгуле до такой степени, что не помните ни тяти ни мамы, это отнюдь не служит оправданием издевательского и пренебрежительного тона, который вы позволяете себе в разговоре с дамой почтенного возраста. Мне не нужны такие квартиранты, которые грубят тебе и придуриваются, когда ты приходишь к ним за месячной платой, да, господин, Скуле, предупреждаю вас. И подобная история повторяется каждый раз, когда я прихожу к вам за деньгами. Если вас перестала устраивать сумма оплаты или квартира, вы так и скажите, а не дурите мне голову, она у меня и без того... не очень хорошо соображает последнее время.

Вся эта длинная тирада была приознесена раздражённым тоном, с подрагиванием гордо откинутой головы, строгим взглядом и суровой жестикующей.

«Да, кто-то из нас двоих сумасшедший, – подумал Эриксон. – Надеюсь, это не я».

– Хельга, – позвал он, повернувшись в комнату. – Хельга, иди сюда, здесь какая-то дама, она утверждает, что мы снимаем у неё квартиру.

– Что? – немедленно воскликнула сумасшедшая гостья. – Какая-то дама? Это вы обо мне? Меня зовут Янна Бернике, господин Скуле. Потрудитесь запомнить, если ещё не сделали этого до сих пор. И что это за Хельга? Кого вы зовёте? Вы что, привели женщину? Но когда я сдавала вам эту квартиру, между нами было оговорено, что...

– Простите, – прервал её Витлав Эриксон, – простите, госпожа Бернике, я неважно себя чувствую.

И захлопнул дверь перед носом в высшей степени раздражённой дамы. Она немедленно начала стучать в дверь, к которой он прижался спиной, закрыв глаза, чувствуя, как разрывается его голова в попытках хоть что-нибудь сообразить.

– Хельга, – шептали его губы. – Хельга, иди сюда... Да где же ты, бог ты мой?! И... и где – я?

– Господин Скуле! – слышал он голос Янны Бернике. – Немедленно откройте! Я никому не позволю...

– Зайдите попозже, госпожа Бернике, – простонал он, прижавшись губами к замочной скважине. – У меня раскалывается голова. Пожалуйста, зайдите позже.

Быть может, она образумится и больше не придёт, эта чокнутая старуха.

– В высшей мере беспардонно! – слышал он её голос. – Просто предел наглости! Если вы напились вчера до потери памяти, это ещё не значит...

Тем не менее, голос удалялся – кажется, она уходила.

«Если вы погрязли в разгуле... – шёпотом повторил он слова этой сумасшедшей Бернике. – Если вы напились вчера...»

Так вот почему у него так трещит голова! Он вчера погряз в разгуле и напился до такой степени, что не помнит ни тяти ни мамы, как она сказала.

Что, в самом деле? А по какому поводу?

Он попытался вспомнить вчерашний день, но память сидела с закрытыми глазами и только морщилась от головной боли. Какие-то смутные воспоминания шелохнулись где-то в затылке, отозвавшись тошнотой и головокружением, но тут же и притихли – так быстро, что он не успел схватить их и удержать. Осталось смутное видение – очень смутное, на грани то ли сна, то ли фантазии: ссора с женой, какое-то питейное заведение, расстроенный рояль, на котором он играл...

«Я не умею играть на рояле», – грустно улыбнулся он, отправляясь на поиски кухни.

Кухня нашлась достаточно быстро, и конечно это была не их с Хельгой кухня – тесная, со старыми навесными шкафами, пожелтевшим кафелем, ржавой эмалированной раковиной и старомодным медным краном.

«Что за чёрт!» – пробормотал он, озираясь. Потом взял с полки стакан и открыл кран. Труба отозвалась гудением и дребезгом; изверглась в стакан рваная струя противно тёплой, мутной воды. Он вылил её и некоторое время ждал, пока стечёт застоявшаяся в трубах тёпловатая вонючая жидкость. Когда пошла более-менее прохладная вода, наполнил стакан и жадно выпил. Налил и выпил ещё один. Только после этого протяжно выдохнул, кисло отрыгнул и уселся на табурет, стоявший у окна.

Что-то произошло вчера. Что-то пошло не так. Похоже он в пух и прах разругался с женой, напился с горя и, решив не возвращаться домой, снял на ночь эту квартиру. Да, да, похоже, так оно и было. Но крепко же он набрался, если не помнит всего этого!

Старуха, правда, говорила что-то про... да, она говорила так, будто уже не первый раз приходит к нему, Эриксону, за квартирной платой... «Если вас перестала устраивать сумма оплаты или квартиры», – так она сказала. Послушать её, выходит, что он живёт здесь не первый день и даже, возможно, не первый месяц.

Нет, слушать её как раз и не надо. Это какая-то чокнутая старушенция, перепутавшая своих квартиросъёмщиков. Чего стоит одно то, что она величала его дурацкой фамилией Скуле.

Значит, он снял эту квартиру на ночь, будучи в полубеспамятном состоянии после выпитого. Ну что ж, сейчас он пойдёт домой и поговорит с женой. Будет просить у неё прощения за вчерашнее. Да, так он и сделает.

Эриксон тяжело поднялся, постоял минуту, раздумывая, не выпить ли ещё стакан воды. Но нет – в животе противно журчало, а из желудка подступала к горлу тошнота. Он ринулся в туалет – маленький, тесный, в котором едва можно было развернуться – и несколько минут стоял на коленях, обнимая унитаз и извергая в него остатки вчерашнего разгула. Похоже, он ел много свекольного салата, который вообще-то терпеть не может – такой цвет приобрела вода в унитазе.

В следующий момент его довела до зябкой дрожи мысль, что это, возможно, не свекла, а кровь, и он долго всматривался, пытаясь определить, чем так окрасилась вода. Нет, всё-таки это был свекольный салат. Во всяком случае, необходимо, чтобы это был свекольный салат.

Наспех поплескав в лицо водой из умывальника, стоявшего тут же, и прополоскав рот, он вернулся в спальню и долго искал свою одежду, прежде чем до него дошло, что он спал одетым – в брюках и рубашке. И только пиджак его был снят и повешен на спинку шаткого стула, прикорнувшего у стены.

Сдёрнув со спинки пиджак, он долго пытался попасть в рукава и всматривался в предмет, лежащий на стуле. То был какой-то чехол или футляр – чёрной кожи, вытянутый, с замком-молнией по всей длине. Эриксон не помнил, чтобы владел когда-нибудь таким. Неужели он что-то купил вчера, будучи в практически бессознательном состоянии?

Совладав, наконец, с пиджаком, ощущая мерзкий вкус во рту, он взял со стула футляр и потянул молнию. В чехле лежал музыкальный инструмент – да, это была длинная деревянная

флейта. Он плохо разбирался в таких вещах, но был почти уверен, что это не гобой, не кларнет и не... что-нибудь ещё, названия чему он даже не знал. Да, несомненно, это была флейта.

Откуда у него взялась флейта? Значит, он действительно купил её вчера в каком-нибудь магазинчике на Виллевсгаде или в Пассаже.

«Надеюсь, ты не продешевил, – обратился он к себе, пытаясь изобразить саркастическую усмешку. – Флейта – это именно то, о чём ты всю жизнь мечтал».

Движимый неясной мыслью, он бросил флейту и пошёл осматривать квартиру.

Зрелище было унылое: тесная и скудно меблированная гостиная имела вид старческий, потёртый, сморщенный. Несомненно, она многое повидала, много жильцов переменяла на своём веку, много портьер, прежде чем принять в свои затхлые объятия Витлава Эриксона. Платяной шкаф не закрывался плотно, поэтому приходилось вставлять между дверцами сложенный вчетверо лист бумаги, чтобы не расходились. Наверняка они были скрипучи пронзительным скрипом какой-нибудь сарайной двери во дворе нерадивого крестьянина или тяжким стоном его несмазанной телеги. Два узких, как бойницы в средневековом замке, окна подслеповато смотрели на Сёренсгаде, берущую своё начало на площади Густава Стрее. Обшарпанный журнальный столик, два столь же обшарпанных стула, банкетка и невыразительный пейзаж в блеклой раме на стене, завершали лишённую какой бы то ни было вычурности обстановку. Пол нещадно скрипел, а люстра в три рожка вряд ли способна была развеять мрачную атмосферу этой душной комнаты тусклыми осенними вечерами.

Других комнат, кроме гостиной и спальни в этой квартире не было. Эриксон был уверен, что даже в полностью бесчувственном состоянии, даже если бы алкоголь затопил его мозг и выжег все его нервные клетки, даже тогда он не позволил бы себе снять подобное убожество. Это была квартира самого низкого пошиба (хотя, бывают, несомненно, и ещё более низкого), какие снимаются молодыми клерками, только вчера переехавшими из провинции в поисках лучшей доли, юными девушками, приехавшими в город в надежде получить место горничной в более-менее приличном доме, да торопливыми парочками, которым негде провести знойную ночь, а денег на приличный номер в гостинице не осталось после ни в чём себе не отказывавшего вечера. Нет, Витлав Эриксон, инженер в известной строительной фирме, имеющий квартиру в четыре комнаты, одна спальня которой была в полтора раза больше этой гостиной, не способен был опуститься до того, чтобы провести хоть одну ночь в подобном вертепе.

Снова захотелось пить. Он прошагал на кухню и осушил ещё два полных стакана воды, а через пять минут уже корчился в туалете возле унитаза, извергая из себя выпитое. Ещё раз умывшись и прополоскав рот, он уже чуть более бодрым шагом направился в прихожую.

Покинуть эту квартиру, забыть её как несуразный сон, вместе с этой сумасшедшей мадам Бернике – скорей очутиться у себя дома, в ногах жены, умоляющим о прощении за... а за что, собственно? Нет, этого он вспомнить не мог, сколько ни тщился растолкать свою коматозную память. Оставалось только мутное, как похмелье, ощущение того, что их отношения вчера дали трещину. Насколько серьёзную, он вспомнить не мог, как ни пытался.

Уже когда он взялся за ручку двери, с той стороны постучали.

Эриксон замер, прислушиваясь. Наверняка это была Янна Бернике. Эта престарелая маразматичка снова явилась требовать плату у неизвестного ему Скуле. Ведь сказано же ей было: попозже. Так нет, не прошло и часа, она явилась снова.

Стук повторился. Под ногой Эриксона закрипела половица, едва он сделал шаг, чтобы отойти от двери подальше. Чёрт! Старуха наверняка услышала, потому что стук повторился ещё раз – уже более громкий и настойчивый.

Шёпотом выругавшись, он открыл дверь.

Это была не старуха. Перед ним стояло юное создание, девушка лет шестнадцати – свежая, миловидная, высокая, не по возрасту женственная. На плече её висела сумка, а в руках

она держала точно такой же чехол, какой лежал на стуле в спальне, только жёлтого цвета и не кожаный.

– Здравствуйте, господин Скуле, – поздоровалась она.

– Здравствуйте, – обронил Эриксон. – Вы к кому?

И только задав этот дурацкий вопрос, сообразил, что девица назвала его так же, как и маразматичка Бернике.

Девушка растерялась, неловко повернулась на месте, поправила идеально причёсанные волосы, зачем-то посмотрела номер квартиры на двери.

– К вам, – сказала она. – Сегодня же воскресенье.

– Да, – подтвердил он. – Воскресенье. И что?

– Ну как же... У нас урок.

– У вас урок? – не понял Эриксон.

– У нас урок, – поправила внезапная гостья, сделав нужное ударение. И посмотрела на часы, испугавшись, наверное, что они идут неправильно и она пришла во внеурочное время. – Половина второго, – кивнула она. – Разве нет?

Эриксон посмотрел на свои часы. Но они стояли. Конечно, если он был вчера в таком состоянии, то вряд ли оказался бы способен завести их.

– Простите, э-э... Простите, милая, э-э...

– Адель, – сообразила она.

– Простите, милая Адель, – сказал он. – Сегодня урока не будет. Мне очень нездоровится, и я сейчас должен уйти. Я уже оделся и буквально стоял у двери, когда вы постучали.

– Вот как... – она смотрела на него с растерянным недоумением.

– Простите меня, – повторил он. – Я понимаю, что вы огорчены, но... так сложились обстоятельства.

– Ничего, ничего, я понимаю, – кивнула девушка, поворачиваясь уходить. И уже на первой ступеньке остановилась: – Я разучила увертюру. Вы зададите мне что-нибудь ещё?

– Увертюру? – Эриксон уже намеревался закрыть дверь, и теперь замер от неожиданности.

– Да, вы задавали. Из до-минорной сюиты.

– Ну да, конечно, – кивнул он. – Кхм... Ну что ж, замечательно. Я ничего не буду вам задавать, милая Адель. Устройте себе выходной, отдохните – хорошенько отдохните от музыки. Ну, на крайний случай погоняйте гаммы.

– Что?

По её удивлённому взгляду он понял, что ляпнул что-то не то.

– Простите, дорогая, я что-то совсем плохо себя чувствую, – смутился Эриксон. – Простите.

И скрылся в прихожей. Закрыл дверь, припал к ней, упёрся лбом в прохладное дерево, вздохнул.

«Что происходит вообще? – думал он. – Я что, учитель игры на флейте? Я что, Скуле? А кто тогда Витлав Эриксон? Эта девочка тоже назвала меня Скуле. Меня кто-то разыгрывает? Но кто и зачем? Клянусь, я никогда в жизни не видел ни эту Адель, ни сумасшедшую Бернике. Я схожу с ума? Допился. Допился до белой горячки, вот оно как!»

Оторвавшись от двери, он осторожно приоткрыл её, выглянул в коридор. На деревянной лестнице не было никого. Тогда он вышел на площадку, тихонько прикрыл дверь за собой, потянул, пока не услышал щелчок английского замка. И стал осторожно спускаться.

Дверь напротив его квартиры открылась. За ней явилась вытянутая лошадиная физиономия с тяжёлой челюстью. Абсолютно лысый череп заблестел в полумраке прихожей. Глубоко посаженные, блеклые и нездоровые глаза старика уставились на Эриксона.

– Здравствуй, – неловко поклонился он.

– Я вам не позволю, – едва слышно произнёс старик. Эриксон заметил острый кадык, энергичными рывками двигавшийся на цыплячьей шее под дряблой желтушной кожей. Старик мотнул головой, поднял вверх палец и погрозил им Эриксону. – Нет!

– Простите? – улыбнулся Эриксон, стараясь, чтобы улыбка вышла как можно более добродушной.

– Не позволю, да, – сказал старик уже громче. – Не позволю, да!

– Хорошо, хорошо, – смутился Эриксон, боясь, как бы их не услышала Бернике, а то ведь опять зайвится требовать денег. Требовать деньги за такую халупу – это просто свинство. Это по меньшей мере бесчестно. – Вы простите меня, господин... э-э... простите, я должен идти.

– Я вам не позволю! – старик, кажется, даже ногой притопнул.

– То есть, почему же это? – опешил Эриксон. – Я свободный человек и могу уйти отсюда в любое время. И я не считаю себя чем-то обязанным госпоже Бернике, если вы об её интересах печётесь. Я не снимал у неё никакой квартиры. Ну, разве что на одну ночь.

– Да что вы с ним разговариваете, господин учитель?

Эриксон поднял голову и только теперь заметил мальчишку лет тринадцати, который стоял на площадке между вторым и третьим этажами, свесив голову вниз и, видимо, прислушивался к разговору.

– Это же Пратке, вы что, не узнали его? – продолжал мальчик.

– Узнал, – неловко солгал Эриксон, непонятно зачем.

– Ну вот, – кивнул мальчишка и сплюнул. Плевков плюхнулся перед самой дверью старого Пратке. – Он же чокнутый, чего с ним разговаривать.

«Чокнутый? – подумал Эриксон, поёжившись. – Ну, в этом он не одинок. Есть ещё как минимум мадам Бернике. А как максимум – я. Я, Как-бишь-там-меня Скуле».

– А давно я здесь живу? – спросил он, снова поднимая голову к мальчишке, но того уже и след простыл.

– Я вам не позволю! – прошипел старик Пратке, несмело выдвигаясь из прихожей на площадку и яростно тыча пальцем в сторону Эриксона. Палец был худой, сморщенный, жёлтый, с грубым, толстым и грязным ногтем.

Не отвечая, Эриксон устремился по лестнице вниз.

Он уже видел внизу окошко привратницкой, за которым маячил чей-то силуэт, и готовился быстро прошмыгнуть мимо, когда входная дверь открылась, пропустив внутрь солнечный свет с улицы, и быстро захлопнулась. Чьи-то быстрые шаги прозвучали к лестнице, навстречу Эриксону.

Он робко остановился, ожидая ещё одной недоброй встречи.

2

Каково же было его удивление, когда на лестнице замаячил пёстро-разноцветный костюм, и он увидел красно-жёлтую улыбающуюся личину клоуна, который обрадованно махнул ему рукой.

Дальше произошло уж совсем невероятное.

Быстрыми шагами клоун приблизился к Эриксону и в одно мгновение повис у него на шее. Его разноцветное лицо приблизилось к лицу растерянного инженера, и Эриксон почувствовал на своих губах влажность поцелуя – странноватую смесь вкусов чужой незнакомой слюны и губной помады, к которым примешались ароматы косметики, краски и немного – пота. По вкусу помады и по той упругости, с которой его коснулась грудь клоуна, Эриксон догадался, что неожиданным дарителем поцелуя выступала женщина. Её язычок пробежался по губам Эриксона, по его зубам, а её руки держали его голову так уверенно, что сомнений не оставалось: он состоял с клоунессой в довольно близких отношениях.

– Куда ты собрался? – выдохнула она, оторвавшись от его губ. – Ты разве не ждёшь меня?

Он пытался рассмотреть её лицо под густым слоем краски, но это было почти невозможно. Впрочем, не оставалось никаких сомнений в том, что его внезапная любовница весьма милοвидна, хотя, конечно, не красавица – с приятными чертами лица, большими и глубокими карими глазами, пышной чёрной шевелюрой, едва уместившейся под клоунской шапочкой, и упругой грудью.

Эриксон растерялся, не зная что отвечать и как вести себя, а клоунесса принялась с улыбкой оттирать пальчиком помаду с его губ.

– Эй, – позвала она, покончив с этим делом. – Якоб, ты что, правда не ждал меня? Ты хотел смыться?

«Якоб. Она назвала меня Якобом, – подумал Эриксон. – Якоб Скуле – ну и дела! Неужели они и вправду думают, что я соглашусь носить такое идиотское имя! Нет, кто бы вы ни были и какие бы цели ни преследовали, но вам не удастся заморочить мне голову».

Впрочем, поцелуй незнакомки был довольно вкусен, и Эриксон не стал бы торопиться выяснять с ней отношения, поэтому промямлил:

– Чёрт... Я совсем забыл.

– Что? – воскликнула она с показной суровостью. – Ты забыл?! Ты забыл, что я приду к тебе? И ты хотел смыться?

– Простите меня, милая... – он с тревогой сообразил, что ведь даже не знает её имени.

– Эй! – нахмурилась клоунесса. – Ты чего, а? Не хотел помахать мне в окно, когда я прыгала там, как счастливая собачка при виде хозяина. Забыл, что мы договорились на после парада. Теперь ещё и «простите, милая»... Может быть, ты...

Чьи-то шаркающие шаги приблизились от привратничкой. Видимо, потревоженная их голосами консьержка вышла посмотреть, кто там разговаривает на лестнице.

Эриксон действительно увидел бигуди, накрученные на голову женщины лет сорока с небольшим, в неряшливом, заношенном и поблекшем от многочисленных стирок халате, натужно охватившем её большое тело с тяжёлой грудью.

– А-а, господин Скуле, – произнесла она. – А это, наверное, милашка Линда?

– Здравствуйте, фру Винардсон, – улыбнулась «милашка Линда». – Да, это я.

– Ну-ну, – покривилась консьержка и строго сказала: – Ты не очень-то распоясывайся, голубушка. Чтобы не как прошлый раз.

– Хорошо, – смиренно произнесла Линда, а вся поза её говорила о признании какой-то вины, известной только ей да консьержке. Ну, пожалуй, ещё неизвестному Якобу Скуле, с которым все почему-то путали Эриксона.

– Как вы, господин Скуле? – продолжала между тем консьержка, обращаясь уже к нему. – Отошли после вчерашнего? Уж не знаю даже, как я умудрилась втащить вас наверх.

– Втащить меня? – опешил Эриксон. – Наверх?

– Да полно вам, – рассмеялась фру Винардсон, – не прикидывайтесь дурачком. Хотя, я, пожалуй, готова поверить, что вы ничего не помните – уж очень вы набрались давеча.

– Ах вот как! – воскликнула Линда и шутливо, но тем не менее чувствительно, дёрнула его за ухо. – Так ты вчера надрался, кутила ты этакий?

– Ещё как надрался, – подхватила консьержка. – На ногах не стоял. Пришлось взвалить его на спину и тащить на второй этаж – это мне-то, женщине, да в моём-то возрасте. А ещё в крови вся измазалась – вот, другой халат пришлось надеть нынче, домашний.

– В крови? – с тревогой в голосе воскликнула Линда и бросилась осматривать лицо Эриксона. Её грудь при этом соблазнительно прижималась к его груди. От неё пахло живой и подвижной молодостью, маскарадом и немного – похотью. – Ты дрался? Тебя поколотили? Где болит? Не молчи!

Эриксон и сам растерялся. Он понятия не имел, о какой крови говорила грузная консьержка.

– Да с ним-то всё в порядке, – успокоила фру Винардсон. – Я его в комнате сразу и осмотрела. Раздела до трусов, так что ни одной царапины не упустила бы. Только ни одной царапины у него и не было. Я тогда передела его в домашнее, а грязную одежду отдала прачке.

– До трусов... – прошептала Линда, и даже под краской стало видно, как она побледнела.

– Да ладно ты, – усмехнулась фру Винардсон, услышав её шёпот. – Больно мне нужны были эти телеса, – она кивнула на Эриксона. – У меня в моё время такие самцы были, что твой учитель при них только свечником мог быть – у кровати подсвечивать.

Громовой хохот консьержки разнёсся по холлу, она покачала головой, отдавая дань своему юмору, и направилась в привратницкую, почтя разговор оконченным.

– У вас с ней что-нибудь было? – ревниво прошептала Линда и ущипнула Эриксона за ляжку.

Ему больше всего хотелось покончить со всем этим представлением, очутиться у себя дома, в кровати, и чтобы рядом, забросив на него ногу, посапывала Хельга, и чтобы бретелька ночной рубашки спала с её плеча, и одна великолепная грудь её приоткрылась, дразня желания.

– Да вы что? – воскликнул он. – С этой тушей? С этой бегемотихой в облезлом халате?

– «Вы»? – обиженно и с подозрением переспросила она. – С каких пор мы перешли на «вы»?

– Ладно, не стоит цепляться к словам, – поморщился он. – У меня голова трещит.

– Ну, если ты действительно так нализался вчера, как она рассказывает, то не мудрено, – усмехнулась Линда. И, прижимаясь к нему, добавила: – А я так хотела затащить тебя в постель сегодня... Прямо вот так, в этом дурацком костюме. Ты хотел бы трахнуть клоунессу, а? Ты ведь никогда ещё не трахал клоунессу?

Эриксон вынужден был признаться, что никогда.

– А в юности, – не отставала Линда, – ведь наверняка мечтал зажать какую-нибудь паячку в углу и как следует потискать, а? А то даже и напялить её на свой стручок, нет?

– Да нет, – припомнил Эриксон. – Я никогда не любил клоунов. Я их всегда боялся почему-то. Ну, пока был маленький – точно боялся.

– Глупый, – констатировала Линда, прижимаясь к нему крепче. – Ну что, пойдём к тебе?

Он безвольно пожал плечами и стал подниматься по лестнице. А довольная Линда повисла у него на руке и то и дело тянулась поцелуем к его уху.

– Клоун, – произнёс сверху тот самый мальчишка. – Ничего себе!

– Привет, Йохан, – улыбнулась ему Линда.

– А-а, так это ты, – разочарованно произнёс Йохан, узнавая Линду по голосу. – А я думал, и правда – клоун.

Снова открылась дверь напротив. В проёме показался давешний старик, Пратке. Он уставился на Эриксона и «клоунессу» воспалённым взглядом, в котором сквозило негодование.

– Я вам не позволю! – произнёс он после минутного гневного молчания свою излюбленную фразу. – Никому не позволю.

Линда показала ему язык и дёрнула Эриксона за рукав:

– Эй, ну ты откроешь когда-нибудь?

А Эриксон с тревогой рылся по карманам в поисках ключа. Замок в двери стоял английский, и защёлкнув его десять минут назад, он даже не думал о том, как попадёт обратно. Собственно, обратно он и не собирался попадать.

– Кажется, я не взял ключ, – отозвался он.

Мальчишка сверху смачно плюнул. Плевком шлёпнулся буквально в паре сантиметров от ноги Пратке, который всё стоял у своей двери и грозил им пальцем. Словно усмирённый этим плевком, старик немедленно исчез в своей прихожей и прикрыл дверь, оставив узкую щель, через которую продолжал следить за Эриксоном и Линдой в один глаз.

– Придётся идти за ключом к Бегемотихе, – вздохнула Линда, мгновенно перенеяв определение, придуманное Эриксоном.

Тут он как раз достал из кармана пиджака целую связку ключей, как у заправского вора-домушника. Линда обрадованно захлопала в ладоши.

Минут пять потребовалось на то, чтобы методом тыка отыскать нужный ключ, и наконец доступ в квартиру был получен.

Линда чувствовала себя здесь совершенно по-свойски, как дома. Эриксон в какой-то момент подумал даже, а не была ли она женой неведомого Якоба Скуле. Пока он, кряхтя и боясь лишней раз резко повернуть голову, разувался, выключал в прихожей свет тусклой лампочки и брёл до гостиной, оказалось, что Линда уже в спальне, забралась в кровать.

– Эй, ну ты долго там? – позвала она. – Я изнываю от желания.

Эриксон послушно направился на голос, испытывая смешанные чувства, в которых сквозили и растерянность, и смущение, и испуг, и, признаться, некоторое щекотное волнение при воспоминании об упругости Линдиной груди.

– Надо найти где-нибудь аспирин, – сказал он, остановившись у двери в спальню. – Милая, я пойду поищу аспирин, у меня жутко болит голова.

– Ты как плохая жена, которая отказывает мужу в любовных утехах, – в голосе Линды звучала усмешка. – Отговариваешься большой головой.

– У меня действительно жутко болит голова, – произнёс он искренне. – После вчерашнего, просто невыносимо. Меня два раза вытошнило.

– Мне ты мог бы об этом и не рассказывать, – хохотнула Линда.

Эриксон даже не представлял себе, где в комнате учителя Скуле можно было бы найти аспирин. Пытался вспомнить, где у них с Хельгой хранятся таблетки, но не мог. Если у него болела голова, он просто просил лекарство, и Хельга приносила. Где жена его брала, он понятия не имел.

Он подошёл к платяному шкафу и уже совсем было хотел открыть его, но, потянув носом, учуял странный неприятный запах, доносившийся изнутри, и передумал открывать дверцу. Да и бумажка, удерживающая створки закрытыми, непременно выпала бы, и пришлось бы тогда возиться с ней.

Эриксон прошёл на кухню и принялся открывать навесные шкафы и выдвигать ящички стола. Ничего кроме нескольких жестяных банок, бутылки с какой-то жидкостью, десятка пакетиков растворимого кофе «три в одном», нескольких ложек, вилок и ножей там не было. Холодильник тоже оказался совершенно пуст, если не считать огрызка заплесневелого сыра и банки

пива. Пива сейчас выпить было бы, наверное, неплохо, но его ждала в спальне Линда, поэтому он только облизнулся.

Таблетки обнаружили в туалете, в шкафчике над умывальником. Открыв шкафчик, Эриксон вдруг увидел в зеркале своё отражение.

«Зеркало! – пронзила его мысль. – Вот то, что мне нужно. Как же я раньше-то не сообразил».

Он всмотрелся и увидел себя. Себя, да, Витлава Эриксона, инженера известной строительной компании, того самого, которого знал едва ли не с самого рождения, перемены в чьей внешности наблюдал год за годом, и на чьем лице он с закрытыми глазами показал бы каждую родинку, каждый прыщик, каждую щетинку.

Эриксон почувствовал огромное облегчение, словно и правда поверил, что может в какой-то момент оказаться пресловутым Якобом Скуле, что взглянет в зеркало и не узнает себя, увидит совершенно чужое ему лицо с тонкой полоской усиков, с оттопыренными ушами и давно не стриженными волосами. Именно таким он представлял себе сейчас учителя музыки Якоба Скуле.

– Эй! – услышал он голос из спальни. – Долго мне ещё ждать любовных утех?

Любовные утехы не входили сейчас в планы Эриксона и он даже, честно говоря, не был уверен в успехе мероприятия по предоставлению Линде этих самых утех. По крайней мере, пока аспирин не начнёт действовать, ни о каких бурных страстях можно было даже и не думать, ибо они грозили моментальным взрывом мозга или слепотой от вспышки головной боли.

– Уже иду, – отозвался он, направляясь в кухню.

Там он положил в рот две таблетки и запил их стаканом тёплой противной воды. Потом несколько минут стоял, прислушиваясь к себе: не накатит ли сейчас, как давеча, тошнота, и не придётся ли ему тут же и избавиться от принятого лекарства.

Но нет, слава богу, тошнота не скрутила его возле унитаза, хотя желудок и принялся отчаянно бурлить, журчать и грозить извержением. Впрочем, он был уже опустошён, так что дальше угроз дело не пошло.

Когда он прибыл в спальню, Линда лежала на кровати. Она только сняла клоунские трико и трусики, обнажив стройные ноги и неплохой формы попку, ярко выделявшуюся своей белизной в форме трусиков. Под живот она подложила подушку, так что первым, что увидел Эриксон, войдя в комнату, была её приподнятая белоснежная попка и чёрный ручеёк волос, спускающийся от промежности к лобку. Клоунская шапочка тоже была снята, и её роскошные в своей густоте чёрные волосы рассыпались по спине и белой простыне.

– Сзади, – прокомментировала Линда. – Возьмёшь меня сзади, ладно?

Эриксон безвольно пожал плечами. Ему хотелось бы сказать, что он не сможет сейчас взять её ни сзади, ни спереди, ни даже из своего излюбленного положения на боку. Но сказать этого он не мог, потому что Линда, отличавшаяся, кажется, пылким и резким нравом, непременно вспыхнула бы, как спичка. А ему не хотелось подводить неведомого Якоба Скуле. Ему-то, Эриксону, ничего, а учителю ещё, может быть, жить да жить с этой девицей.

– Я попробую, – не очень уверенно произнёс он. – Но предупреждаю, у меня голова просто разваливается.

– Но ты нашёл таблетки? – поинтересовалась Линда, оглядываясь на него.

– Да, и уже выпил, – ответил он и добавил извиняющимся тоном: – Но они же не сразу начинают действовать.

– А ты не хочешь смыть с себя этот грим? – спросил он через минуту, найдя удачный способ оттянуть время.

– В виде клоунессы я тебе не нравлюсь, да? – печально улыбнулась Линда. – А мне так хотелось сделать тебе сюрприз... А потом ты сыграл бы мне, – добавила она. – Твою серенаду.

Ну, ту самую, ла-ла-ла-ри-ра-там-дам... А я бы танцевала. Представляешь, как эротично я смотрелась бы в танце – с этим красным носом, в клоунском кафтане?

– Я не умею играть на флейте, – ляпнул он вдруг и тут же спохватился, но было поздно.

– Не... не умеешь играть? – подняла Линда свои намалёванные красным брови. – Очень смешно. Станный ты сегодня какой-то, и шутки у тебя странные. Если не сказать – дурацкие.

– Прости.

– Да ладно, – махнула рукой Линда. – Ну, мы будем предаваться утехам?

– Будем, – нетвёрдо отвечал он, приближаясь и тревожно прислушиваясь к себе: шевельнется в нём что-нибудь при виде этих обнажённых женских тайн, или нет. – А хочешь, я...

Не будучи уверенным, что расслышал в себе хоть что-то, он уже хотел было предложить ей оральные ласки, но тут, на его счастье, в дверь громко постучали.

– Ах ты чёрт! – произнёс он, стараясь, чтобы в голосе его звучали раздражение и досада, а не тихая радость.

– Кто это? – возмущённо спросила Линда.

– Не знаю, – отозвался он. – Но думаю, что домовладелица.

– Эта гримза Бернике? А какого фи́га ей надо?

Эриксон в двух словах рассказал ей о полуденном визите «гримзы». Стук между тем повторился в более настойчивой форме.

– Как пить дать, она, – кивнул Эриксон.

– Наплевать, – отмахнулась Линда. – Давай уже трахнемся.

– Извини, – осторожно возразил Эриксон. – Я боюсь, что она вышвырнет меня из квартиры. Что мне тогда делать?

– Да что б ей! – выругалась Линда. – Ну тогда давай, побыстрее разделайся с этой старухой и возвращайся. Я буду ждать.

Эриксон кивнул и отправился в прихожую, проклиная сегодняшний день. У двери он замер на минуту, прислушиваясь. С той стороны снова постучали и кажется, уже кулаком.

– Кто там, чёрт побери? – спросил он, придавая голосу выражение сердитого недовольства.

– Открывай, сукин сын, пока я дверь тебе не вынес! – громко велел грубый мужской голос. – Открывай сморчок, а то если я сам открою, хуже будет!

– Кто вы такой? – возмутился Эриксон. – По какому праву вы так...

Но тут в прихожей явилась Линда. Она суетливо подтягивала на ходу трико и была бледна, растеряна, и подавлена.

– Как он узнал? – прошептала девушка, лихорадочно обегая прихожую взглядом в поисках сброшенных клоунских башмаков. Нашла их под скамеечкой для обувания, принялась торопливо натягивать.

– Какого беса ты медлишь?! – ярился между тем мужчина по ту сторону двери. Эриксону он представился циклопом, пришедшим за Одиссеем – такой грозный, громовой и хриплый был у него голос. Эриксон не был слабаком – два раза в неделю он посещал спортзал и раз в месяц – секцию самообороны, поэтому на улице чувствовал себя вполне уверенно и не боялся нападения каких-нибудь отморожков. Как человек, ни разу нападению отморожков не подвергавшийся, он был, конечно, излишне самоуверен после этих невинных, раз в месяц, уроков джиу-джитсу, но мускулы его действительно были если не железными, то уж алюминиевыми как минимум. И тем не менее, этот голос Зевса-громовержца извергал в окружающее пространство такую ярость, что Эриксону совсем не хотелось открывать дверь.

– Кто это? – спросил он у Линды шёпотом. – Ты его знаешь?

– Ещё бы не знать, – отозвалась та дрожащим голосом. – Он меня убьёт. А потом – тебя.

«Это что, твой муж?» – хотел спросить Эриксон, но в этот момент наконец обувшаяся Линда посмотрела на него, как на сумасшедшего, метнулась к двери и открыла.

Тут же явилась с той стороны двери мощная рука и схватила Линду за её роскошную шевелюру. Девушка взвизгнула и в мгновение ока исчезла из прихожей, а на её месте явился... Да, Эриксон не ошибся, представляя себе этого человека циклопом: исполинского роста – больше двух метров, – с огромными ручищами, с грудью, ширина которой позволила бы Эриксону свернуться на ней калачиком и уснуть, с горящими глазами и большим ртом, украшенным толстыми и вывернутыми как у негра губами, этот человек наводил ужас. Но одно утешение Эриксон нашёл для себя сразу – по крайней мере, такой урод не мог быть мужем Линды. Да и не только по росту, но и по возрасту он был великоват для неё. Хотя... Эриксон ведь не мог бы сказать, каков возраст Линды – он так и не увидел её лица.

Это было всё, что успел подумать Эриксон, потому что в следующий момент мощный удар в лоб отбросил его на середину гостиной. Последнее, что он слышал, прежде чем отключиться, был голос консьержки, говорящей «А ведь я говорила, я предупреждала её...» и громкий, как выстрел из пушки, хлопок закрывшейся двери.

3

Придя в себя, он прежде всего удивился, что остался жив, потому что с таким ударом, каким отправил его в нокаут Циклоп, можно было работать на бойне, забойщиком коров, не используя никаких подручных инструментов для умерщвления несчастных животных, а только собственные кулаки.

Эриксон посмотрел на часы, желая узнать, сколько времени провалялся без сознания, но оказалось, что часы он так и не завёл.

Мутило, и едва он попробовал подняться, как его тут же вырвало на древний затёртый ковёр на полу – желчью, поскольку желудок был давно опустошён. Насколько Эриксону было известно, рвота говорила о сотрясении мозга. А при сотрясении мозга в первую очередь необходим строгий постельный режим. Да и при всём желании он вряд ли смог бы сейчас подняться и отправиться домой. Он даже до спальни дойти не решился и отправился до неё на четвереньках.

Белым пятном у кровати, которое он пытался рассмотреть всю дорогу до спальни, оказались трусики Линды, которые она в спешке просто не успела надеть или про которые в панике забыла.

Чёрт, кто же был этот громила? А ведь он запросто мог убить Эриксона этим ударом – чуть сильнее, чуть ближе к затылку, в переносицу или в висок – и это была бы верная смерть.

Вряд ли он был мужем Линды. Столь же маловероятно, что он состоял её любовником. Отец? Нет, он выглядел не настолько пожилым. Но тогда что он мог иметь против отношений Линды с учителем музыки Якобом Скуле? Это было тайной, в которую его могла посвятить только Линда, но с Линдой ему вряд ли суждено встретиться ещё раз. И слава богу, потому что Эриксон боялся теперь новой встречи с этой девушкой; да и кто знает, не закончится ли повторная встреча ещё одним ударом Циклопа – на этот раз смертельным.

В таких размышлениях он дополз до кровати, кое-как взобрался на неё и несколько минут лежал без движения и мысли. Потом вспомнил про белое пятно, наощупь нашёл рукой брошенные трусики, поднял, поднёс к глазам.

Он выглядел так сиротливо, этот кусочек материи. Лёгкие, немного шелковистые, с мелкими, кое-где обтрепавшимися кружевами по краю, с едва заметной светло-жёлтой полоской, пролегшей по ткани спереди, там, где они прикрывали Линдино потайное местечко, и свидетельствующей о том, что трусики были не первой свежести. Они выглядели такими невинными, такими беззащитными и жалкими в своей оторванности от хозяйки, что он поднёс их к губам и поцеловал, вдохнул их почти не слышный аромат. В этом слабом запахе было что-то настолько тёплое, вечное, сладкое и умиротворяющее, что он тут же чуть не уснул с безмятежной улыбкой на губах, будто надышался эфиром, а не едва ощутимым ароматом женской самости.

Но тут в памяти всплыл, явился в ноздрах запах Хельги, и сон моментально улетучился. В голове застучал молоток, каждый удар которого по мозгам обращался вопросом. Что происходит? Кто я? Что общего у меня с Якобом Скуле? Существует ли в мире Витлав Эриксон, и если да, то кто он мне? Если я Якоб Скуле, то откуда в моей голове взялся Эриксон? А если я Эриксон, то кто все эти люди, для которых я – Скуле?

Он перебирал всевозможные варианты ответов на эти вопросы и у него складывался только один более-менее достоверный вариант, очевидно не противоречащий логике и здравому смыслу: он – учитель музыки Якоб Скуле, который сошёл с ума или страдает раздвоением личности, а инженер Витлав Эриксон и его жена Хельга – не более чем порождение большого разума учителя и его воспалённой фантазии.

Что ж, значит, нужно привыкать быть Якобом Скуле? Похоже, что так.

Вспомнив, он спустился с кровати, на четвереньках добрался до стула, взял футляр с флейтой и таким же образом вернулся назад. Открыл чехол, достал матово поблёскивающий лаком инструмент и долго созерцал его, поглаживая, лаская пальцами, изучая игровые отверстия, сочленения блоков, плотность материала и скользкую гладкость лака – почти совершая с флейтой соитие. Наконец, поднёс мундштук к губам и выдул робкую сиплую ноту. Этот звук, несмотря на его ожидаемость, так резко вторгся в тишину, что Эриксон (а он всё ещё внутренне сопротивлялся необходимости стать Якобом Скуле) вздрогнул. Потом он подул в мундштук уже сильнее и увереннее и подивился долгому и чистому звуку, который издал инструмент.

Витлав Эриксон не имел к музыке никакого отношения, если не считать пары десятков сеансов конвульсивных телодвижений под ритмические перепады и всплески звуков, которые ему поневоле пришлось совершать в период ухаживания за Хельгой и которые он называл «пойти подёргаться», а Хельга величала танцем. На этом его музыкальное образование закончилось, так по сути и не начавшись. Эстрадные песенки он всегда пропускал мимо ушей, он в них не вслушивался и их не слышал – они были для него как шум улицы, как шорох листвы, как дальний гудок теплового – столь же неважны и неразличимы в общем гуле окружающего мира. Серьёзную музыку он слышал ещё менее и уж точно не стал бы слушать даже ради завоевания сердца будущей жены.

Но оказывается, звуки, которые издаёт музыкальный инструмент не в чьих-то там, а в твоих собственных руках – это нечто совершенно иное, не имеющее к прочим разновидностям звуков никакого отношения. Он понял это как только закрыл пальцами наугад несколько отверстий, а потом стал по очереди, одно за другим, открывать их, взволнованно питая флейту своим дыханием. Родившаяся под его пальцами и из его духа череда томительно меланхолических звуков потрясла Эриксона до глубин его инженерской души. Он вдруг почувствовал себя богом, вдыхающим жизнь в кусок дерева, как некогда он вдохнул её в бездушную глину, из которой создан был человек со всеми его мечтами, грехами, надеждами и изменами собственным надеждам.

И тогда, переведя дух, он принялся играть, наугад закрывая и открывая отверстия, вдывая воздух в мундштук то с ббольшим, то с меньшим усилием, то заставляя дыхание порождать густые, долгие и плотные волны, то – частые, слабые и короткие, то словно говоря в начале каждой ноты «ту», отделяя её от следующей, а то сглаживая переход между ними, делая его прозрачным и неразличимым. Он знал, что совершенно не умеет играть на флейте, но музыка, которой он сейчас давал жизнь, казалась ему великолепной. Это был один из дней творения...

В дверь постучали.

Тихонько выругавшись, он отложил инструмент и встал с кровати, напрочь забыв, что мозг его сотрясён и требует постельного режима. Однако ничего не случилось, если не считать минутного лёгкого головокружения, которого он даже не успел как следует испугаться.

Открыв дверь с ожиданием новых неприятностей, он увидел подрагивающую голову мадам Бернике. В её суровом взгляде, когда она узрела Эриксона, прочитался испуг – даже ужас, – а глаза, кажется, полезли из орбит. Подобный прилив эмоций настолько не соответствовал образу чопорной, строгой и холодной дамы, сложившемуся у Эриксона, что ему в эту минуту самому стало страшно.

– Бог ты мой! – произнесла она. – Что с вами случилось?

До него дошло, что на лбу у него, должно быть, вырос громадный, как у носорога, рог, или расплылся чудовищный кровоподтёк после удара кулака-кувалды Циклопа, который едва не проломил ему череп.

– Ничего, – ответил Эриксон, пытаясь улыбнуться. – Ничего, мадам Бернике. А вы, надо полагать, за деньгами?

– Да, – отвечала она, возвращая взгляду высокомерную льдистость.

– Сколько я вам должен?

– Странный вопрос, – дёрнула она подбордком и повернулась в полупрофиль, глядя на Эриксона искоса, как в прошлый раз. Наверное, такое движение свидетельствовало у мадам Бернике о крайнем её удивлении.

– Простите, я просто немного не в себе, кое-чего совершенно не помню, – пробормотал Эриксон. – Так сколько?

– Девятьсот крон, господин Скуле, – изрекла она строгим и возвышенным тоном на грани срыва. – Вы должны мне девятьсот крон за сентябрь.

– Хорошо, – кивнул он, отправляя руку во внутренний карман пиджака, где у него всегда лежал бумажник.

Вот только пиджак-то был не его, а учителя музыки Якоба Скуле, да и то не выходной, а домашний в который его передела, по её собственному признанию, консьержка фру Винардсон.

– Что? – сурово спросила госпожа Бернике, заметив, должно быть, растерянное выражение его лица.

«Интересно, – думал он между тем. – Интересно, если бы прачка обнаружила в кармане бумажник, она принесла бы его? Да конечно, наверняка принесла бы, куда ей деваться, ведь все пути розыска вели бы к ней. А если консьержка вытрясла карманы, прежде чем отдать пиджак прачке? Наверняка ведь вытрясла. Бряд ли у неё хватило бы наглости и глупости присвоить чужой кошелек да ещё и наводить потом подозрения на себя – там, на лестнице. Наверное, она выложила бумажник, а сказать об этом просто забыла, когда говорила про окровавленные вещи Эриксона-Скуле. Значит, нужно пойти и поискать в комнатах».

Ну а если в комнатах не обнаружится? Это может значить только одно: вчера пьяного Эриксона ограбили, или он просто потерял бумажник, напившись до беспамятства и валяясь под каким-нибудь фонарём. Но об этом лучше не думать. Это было бы просто ужасно.

– Где вы живёте, госпожа Бернике? – вежливо спросил он, выталкивая на непослушные губы улыбку и надеясь, что она не вышла жалкой и растерянной. – Я занесу вам деньги буквально через полчаса, обещаю.

Она смотрела на него с подозрением и осуждением, мелко трясла головой и жевала губами. Наверняка ей хотелось прибить Эриксона к полу каким-нибудь жёстким и едким замечанием и в итоге отказать ему от квартиры. Но, видимо, боязнь не получить свои девятьсот крон возобладала в её душе над желанием немедленного отмщения, и она неохотно произнесла:

– Квартира номер пять, третий этаж. Позвоните два раза коротким звонком и потом один раз – длинным, чтобы я знала, что это вы. Я не всегда и не всем открываю дверь, так что потрудитесь запомнить, молодой человек: два коротких и один длинный, это будет ваш условный код. И соизвольте не задерживаться, у меня есть дела и поважнее, чем просиживать стул в ожидании растяпы и повесы вроде вас, не те уже мои годы. Это у вас, господин Скуле, масса нерастраченного времени – целая жизнь ещё, а у меня остались, быть может, считанные часы.

– Ну что вы, госпожа Бернике! – попытался он изобразить бодрое участие и обходительность. – Вы прекрасно выглядите для своих лет.

Она ничего не сказала, а только смерила его недоверчиво-презрительным взглядом и повернулась к лестнице.

– Два коротких, один длинный, – строго напомнила она, не оглядываясь. – Не забудьте.

– Да, – поклонился он её удаляющейся спине и тихонько запер дверь.

В гостиной бумажника не обнаружилось. Эриксон обыскал всё, хотя обыскивать особо было и нечего; и только платяной шкаф он так и не решился открыть, хотя дважды подходил к нему в решимости сделать это. Шкаф с его дверцами, державшимися за сложенный вчетверо листок, с тяжёлым неприятным запахом, который из него исходил, весь такой старый, архаичный даже, массивный и мрачный, внушал Эриксону чувство подспудного, невыразимого и

необъяснимого страха. И дважды его потянувшаяся к бумажной скрепе рука замирала в сомнении на полпути и возвращалась обратно.

Поиски в спальне и в туалете тоже не принесли успеха, и он уже чувствовал как холодеют руки, а лоб покрывается испариной в предчувствии гнева мадам Бернике, позора, да и просто утраты энной суммы денег, трёх кредитных карт и водительского удостоверения. Страшно было оказаться униженным, без денег и в полной власти мадам Бернике.

Если деньги не найдутся, у него останется только один путь – стремительное и незаметное бегство из этого дома. И пусть они потом ищут своего Якоба Скуле – быть может, рано или поздно найдут, если он жив и здоров. Но ему-то, Витлаву Эриксону, уже не будет до этого никакого дела.

Он, с чувством холодной безнадёжности, перерыл кухню, заглядывая в каждый ящик стола, и разумеется ничего не нашёл. И уже готовясь к бегству, в порыве отчаяния принялся заглядывать в жестяные банки, стоящие в навесных шкафах. В одной из них, предварительно обнаружив запасы соли, сахара, риса, кофе, чая и лапши, он нашёл свёрнутые в трубочку и перехваченные резинкой купюры. Это были ровно девятьсот крон – девять сотенных купюр, приготовленных, должно быть, Якобом Скуле в уплату за квартиру.

Ну что ж, вполне разумно и справедливо, что Витлав Эриксон заплатит за чужое жильё не из собственного кармана, а из средств настоящего жильца. Вполне себе резонно.

С чувством удовлетворения он сунул деньги в карман, проверил, на месте ли ключи и буквально выбежал из квартиры.

Взлетая на третий этаж, он обнаружил на лестничной площадке скучающего Йохана. Кажется, мальчишка проводил на своём бессменном дежурстве целые дни. А ведь ему надо бы сейчас сидеть за партой в школе.

– Ого! – произнёс мальчуган. – Это вам Циклоп так зарядил, да?

Эриксона смутило совпадение прозвищ, данных Циклопу им самим и этим мальчишкой, но сейчас ему было не до того, и он быстро позвонил условленным кодом в квартиру с цифрой пять на двери.

Никто не открыл. Возможно, старухе требовалась не одна минута, чтобы дошаркать до двери. А может быть, полчаса уже прошли, пока он рыскал в поисках денег, и вредная домовладелица ушла или просто не открывает ему дверь, из противной, упрямой и брюзжащей старческой злости.

Под любопытным взглядом Йохана он позвонил ещё раз, тщательно соблюдая шифр. Нервно пощёлкивая пальцами, выждал несколько минут. И уже собрался было позвонить в третий и последний раз, когда мальчишка сказал:

– Да нет там никого.

Дальше между ними состоялся вот такой быстрый, воспалённый диалог, будто они спорили уже не меньше получаса.

– Нет? – спросил Эриксон.

– Нет.

– А чего ж ты раньше не сказал?

– А раньше вы не спрашивали.

– Так я и сейчас не спрашивал.

– А мне просто надоело, что вы тут торчите.

– Она должна быть дома.

– Но её там нет.

– Где же она, чёрт побери?!

– У чокнутого.

Эриксон остановился, внимательно посмотрел на мальчишку.

– У чокнутого? – переспросил он на всякий случай.

– Ну да, – лениво пожал плечами мальчишка. – У старика Пратке.

И он сплюнул вниз, на площадку второго этажа, под дверь указанного старика, возле которой образовалась уже небольшая лужица из его плевков.

Эриксон неодобрительно покачал головой и спустился на свой этаж. Хотел постучать в третий номер, но вместо этого зачем-то прижался ухом к двери – осторожно, тихонько, воровато – и стал слушать.

– Нет, так ничего не услышишь, – сказал сверху Йохан. – Слушать надо через замочную скважину.

Эриксон покраснел, застигнутый за своим предосудительным занятием – он уже напрочь забыл о присутствии этого мальчишки. Тем не менее, он опустил голову ниже и прижался ухом к щели замка.

Слышно ничего не было поначалу, зато он почувствовал лёгкий смрадный запах, исходящий из-за двери.

– Чем у него так воняет? – шёпотом обратился он к Йохану.

– Воняет, да, – кивнул мальчишка, не расслышав, наверное, вопроса.

Эриксон снова прислушался, весь буквально превратясь в слух, но ни единого отдельного звука не доносилось из квартиры сумасшедшего, а шёл только постоянный нестихающий ропот, будто там говорили одновременно полтора десятка человек.

А в следующую минуту его буквально отбросило от двери, потому что прямо в ухо ему, сквозь замочную скважину, дрожащий негодованием старческий голос произнёс:

– Я не позволю!

Эриксон отпрыгнул к своей квартире и уже хотел с позором скрыться в ней, навеки обесславив себя подслушиванием у чужой двери, и только уверенность, что безумный старик ничего не сообщает в приличиях, дала ему слабую надежду сохранить доброе имя. Но прежде чем он нашёл в связке нужный ключ, дверь квартиры Пратке открылась и подрагивающий голос госпожи Бернике произнёс:

– Ну, что, господин Скуле, вы принесли деньги?

Эриксон-Скуле обернулся, выдавливая на губы улыбку. Она выползла и легла на губах жалкой бледной полоской, как выползает из тюбика зубная паста на подставленную щётку.

Мадам Бернике стояла в дверях, в домашнем халате и в чепце. За её плечом демонически сверкал очами старик Пратке, и весь его вид говорил, просто кричал: «Я не позволю!»

Из глубины квартиры действительно доносились несколько голосов, которые жарко обсуждали что-то, спорили и даже, похоже, ругались.

– Мы играем в карты, – ответила мадам Бернике его удивлённому взгляду. – Хотите составить партию, господин Скуле?

– Н-нет, благодарю вас, – выдавил растерянный Эриксон. – Я только хотел... хотел передать вам деньги. Я звонил к вам, как мы договорились, двумя короткими и одним длинным, но... никто не открыл, и тогда я...

– А кто бы мог вам открыть, если там никого нет? – перебила домовладелица.

– Не знаю, – растерялся Эриксон, словно уличённый в ещё одном неблагоприятном поступке.

– Он звонил два раза, – сказал сверху Йохан.

– Благодарю, мой мальчик, – отозвалась госпожа Бернике, даже не подняв на мальчишку глаз. – Господин Скуле никогда не отличался особой вежливостью или терпением, – и добавила, обратясь уже к Эриксону: – Не так ли, господин Скуле?

Эриксон промямлил что-то нечленораздельное. Эта старуха подавляла его своей железной волей, своим холодным непроницаемым взглядом и ледяным тоном. Он всегда считал себя человеком не робкого десятка, но перед этой дамой и в теперешних обстоятельствах чувствовал себя юнцом, получающим выволочку от тиранши тётки, от которой зависит его будущее

благополучие, которое наступит однажды, в какой-то счастливый для него, и последний для тётки, день.

– Итак, что вы хотели? – спросила госпожа Бернике, словно уже напрочь забыв, о чём они говорили только что. – Если только подслушать у двери господина Пратке, то вам придётся довольствоваться тем, что вы уже услышали и скрыться от позора в своей квартире.

– Я... – промямлил Эриксон, пытаясь улыбнуться. – Я не хотел. Я принёс деньги. За квартиру.

– Ах, вы наконец-то сообразили принести деньги, – кивнула Бернике, и по губам её скользнула презрительная улыбка. – И что же вам мешает немедленно их мне передать, вместо того, чтобы торчать у двери и подслушивать?

Эриксон робко подступил к прямой и холодной как скала домовладелице и осторожно вручил ей деньги.

– Так вы не хотите составить нам компанию? – спросила Бернике, пересчитав купюры.

Эриксону показалось на миг, что из квартиры Пратке в гомоне голосов донёсся до него весёлый и разгорячённый спором голосок Линды, и он едва не согласился, но тут же осадил этот порыв, сказав себе, что Линды в квартире этого сумасшедшего, рядом с этой ледяной старухой, не может быть по определению.

– Благодарю вас, госпожа Бернике, – поклонился он. – Я бы с радостью, но никак не могу в данный момент. У меня дела. Да, дела, я должен дать урок одной... одной барышне. И уже почти опаздываю.

– Это в ваших правилах, – с усмешкой кивнула домовладелица. – Подслушивать, опаздывать, надоедать звонками, шуметь и являться в приличный дом в непотребном свински пьяном виде – всё это в ваших правилах, господин Скуле, так что я несколько не удивлена.

И произнеся эту суровую тираду, она скрылась в прихожей квартиры Пратке.

Старик уступил ей дорогу и, закрывая дверь, блеснул на Эриксона безумным взглядом.

– Я не позволю! – выпалил он, прежде чем дверь отрезала его от растерянного Эриксона.

4

И всё же он был готов поклясться сейчас, что слышал голосок именно Линды там, в квартире безумного Пратке. Что это значит? Что происходит в этом чёртовом доме, и кто все эти странные люди, упорно величающие его, Витлава Эриксона, дурацким именем Якоб Скуле? Что им понадобилось от него? И что было бы, если бы он принял приглашение и вошёл в квартиру Пратке? Что увидел бы он там? Был ли бы он сейчас жив, не избавили ли его растерянность и испуг от верной смерти?

Выходит так: кучка каких-то сумасшедших обманом завлекла его, пьяного, в этот дом, подселила в квартиру некоего учителя музыки и в непонятных, но несомненно гнусных целях теперь издевается над ним, морочит ему голову. А быть может, и сам Якоб Скуле с ними заодно? Быть может, он совершил какое-то ужасное преступление и теперь сидит там, у Пратке, вместе с остальной компанией, играет в карты и посмеивается над глупостью бедного инженеришки, который вместо него должен будет взойти на лобное место, чтобы принять позорную смерть от руки палача? Да, вполне возможно, что Эриксон назначен жертвой и должен пойти на заклание вместо неведомого учителя музыки – возможно, серийного убийцы, маньяка, или, на худой конец, мошенника, квартирного вора, насильника... Если бы только ему вспомнить вчерашний день, что произошло с ним, о какой крови говорила консьержка (хотя, можно ли ей верить, если она тоже состоит в компании этих преступников), где он так напился и как очутился в этом пролятом доме.

Ответов на все эти вопросы у него нет, но он может сделать один очень правильный и жизненно необходимый шаг – бежать из этого дома, бежать немедленно, пока ещё не поздно.

И он сбежит, вот только доварится рис.

Кастрюлька пыхтела и выпускала пар на маленькой плите в одну конфорку. На столе в углу ожидал своей очереди чайник. Тут же согревалась запотевшая банка пива «Берника». Что ж, Эриксон имеет полное право компенсировать себе те убытки и неудобства, которые претерпел, будучи неизвестным ему Якобом Скуле. Учитель не обеднеет, лишившись одной банки пива и горстки риса, а у Эриксона ещё маковой росинки не было сегодня во рту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.